

Шао Цихань, охваченный тревогой, понял, что перед ним остался лишь один путь. Он шагал по этому канату, балансируя между страхом и отчаянием, настолько растерянный, что даже не смог понять, что именно имел в виду Мужун Цзю.

— Ну... — Шао Цихань широко раскрыл свои глаза, напоминающие персиковые цветы, и выдавил из себя лишь один невнятный звук.

— Поэтому я изменил о тебе мнение... — Мужун Цзю скрестил руки на груди, его голос звучал холодно и отстранённо. — Похоже, твоя голова всё же на месте, и шея не зря держит её.

Шао Цихань выдавил улыбку, которая выглядела хуже, чем плач, и осторожно спросил:

— Так... А Цзю, ты больше не злишься?

Мужун Цзю слегка сжал губы и поднял бровь:

— А на что мне злиться? Я ведь не тот, кто тебе нравится...

О нет! Шао Цихань мгновенно протрезвел, в его голове зазвенел тревожный звонок. Он чуть не выдал себя!

— Я хотел сказать, если бы это был ты, А Цзю... — он попытался исправить ситуацию, внутренне сжимая своё израненное сердце, и, заикаясь, спросил:

— Ты бы простил меня за прошлое?

Выражение лица Мужун Цзю стало ещё более странным. Он прищурился и с усмешкой произнёс:

— Возможно, нет? Откуда у тебя такая уверенность?

Услышав это, Шао Цихань почувствовал, будто потерял всё. Он опустил голову, его плечи сгорбились, а руки беспомощно повисли вдоль тела. Вся его фигура излучала отчаяние.

Мужун Цзю, глядя на него, почувствовал лёгкое сожаление. Не слишком ли он резок? Что, если он перегнул палку и слишком сильно ударил по Циханю?

Сегодняшние «злые слова» Мужун Цзю были продиктованы благими намерениями. Его друг наконец-то начал проявлять признаки серьёзности, и если он снова вернётся к прежнему беззаботному образу жизни, это будет настоящей катастрофой.

Шао Цихань уже некоторое время управлял дочерней компанией группы Шао, и Мужун Цзю, наблюдая за ним, заметил, что тот всё ещё не проявляет должного усердия. Реальные

способности Шао Циханя и его достижения в бизнесе всё ещё сильно различались.

Семья Шао была богата и могла позволить себе содержать «обычного человека». Шао Цичжай, занимая пост главы группы, не обращал внимания на безразличие своего брата.

Но Мужун Цзю обращал.

Почему-то он испытывал сложное чувство разочарования, глядя на Шао Циханя. Он знал, что тот будет делать что-то только в том случае, если захочет, и не хотел быть тем, кто будет подталкивать его, как евнух, беспокоящийся об императоре. Поэтому Мужун Цзю лишь ждал подходящего момента, чтобы подстегнуть ленивого скакуна.

И сейчас этот момент настал. Если Шао Цихань влюбился, у него появится цель, ведь мужская гордость влюблённого человека — это нечто, что трудно измерить.

Мужчины понимают мужчин, и Мужун Цзю понимал Шао Циханя.

Сегодняшний разговор о женщинах стал для Мужун Цзю настоящим подарком — он мог и отчитать друга за его легкомысленное поведение, и объяснить ему, что к чему.

Мысли Мужун Цзю крутились вокруг этого, но внешне он оставался холодным. Он прочистил горло и сказал:

— Ну... если ты искренне раскаешься, думаю, она тебя простит.

— Правда? — Шао Цихань, словно получив заряд энергии, резко поднял голову и с надеждой посмотрел на Мужун Цзю.

Тот с интересом наблюдал за реакцией друга и кивнул:

— Советую тебе излить душу, искренне извиниться и пообещать, что больше никогда не изменишь. Лучше даже поклянись чем-то серьёзным...

В голове Мужун Цзю возникла картина: высокий и статный Шао Цихань, рыдая, стоит на коленях перед девушкой и клянётся, что «будет поражён молнией, если нарушит слово». Мужун Цзю невольно усмехнулся, но, взглянув на воодушевлённого Шао Циханя, решил немного охладить его пыл.

Воспользовавшись паузой, он добавил с лёгким пренебрежением:

— Но если ты просто хочешь её утешить, то забудь об этом.

Шао Цихань тоже представил себе картину, но, в отличие от Мужун Цзю, в его воображении не

было никакой девушки. Он мечтал о том, как А Цзю принимает его извинения и говорит: «Всё в порядке, забудем о прошлом».

На его лице появилось мечтательное выражение, пока слова «забудь об этом» не вырвали его из грёз.

— Ни в коем случае! — Шао Цихань, хоть и витал в облаках, всё же услышал слова Мужун Цзю и поспешно поднял руку:

— Я искренен!

Мужун Цзю наконец улыбнулся, словно весеннее солнце. «То, что нужно!» — подумал он, рассматривая слегка растерянное, но всё же привлекательное лицо Шао Циханя.

— Искренность — это хорошо, — мягко сказал Мужун Цзю, — но, Шао Цихань, не будь наивным. В нашем мире искренность ничего не стоит.

Шао Цихань едва успел перевести дух, как Мужун Цзю снова ударил по нему, на этот раз ещё сильнее.

«А Цзю! Что с тобой? Почему ты стал таким холодным и безжалостным? Почему, обвинив меня в прошлых грехах, ты теперь сомневаешься в моей искренности?»

Шао Цихань едва сдержался, чтобы не закричать от обиды и разочарования. Но в его голове ещё оставалась капля здравого смысла, и он не посмел высказать всё это перед тем, кого любил.

— Я... — он выдавил из себя бессмысленное местоимение.

— Искренность не может удержать женщину, — сладко улыбнулся Мужун Цзю, хотя внутри он был мрачен.

Раньше он бы счёл это утверждение абсурдным. Разве не в этом суть любви — сердце к сердцу?

Но Бай Сяоси доказала, что это не так. В прошлой жизни она не испытывала к нему никаких чувств, хотя у неё был Шао Цихань. В этой жизни Шао Цихань её игнорировал, но она всё равно не обращала на него внимания.

Искренность не только не могла удержать женщину, но даже не могла её тронуть.

Мужун Цзю был подавлен, но помнил, что он здесь для того, чтобы поддержать друга, и не мог

сказать слишком много. Он подумал о Мужун И.

Разве Мужун И не презирал искренность их матери?

С этой мыслью он добавил:

— Конечно, искренность не может удержать и мужчину.

Если после первого заявления Шао Цихань ещё мог утешить себя мыслью: «Ничего страшного, ведь я люблю мужчину! Если искренность не удержит женщину, то мужчину удержит!», то второе заявление стало для него ударом ниже пояса.

«Искренность не удержит ни женщину, ни мужчину, но она обязательно удержит А Цю!» — только эта мысль помогала Шао Циханю сохранять уверенность и медленно восстанавливать силы. Он смотрел на Мужун Цю с мольбой.

— Богатство, статус... — Мужун Цю задумался на мгновение, а затем произнёс:

— Ответственность!

— А? — На лице Шао Циханя отразилось недоумение.

— Хань... Только обладая всем этим, ты сможешь добиться успеха, — серьёзно сказал Мужун Цю.

Он хотел добавить что-то ещё, но Шао Цихань перебил его:

— Да! А Цю! У меня всё это есть! — Шао Цихань, словно вернувшийся к жизни, улыбнулся.

Глядя на его уверенность, Мужун Цю почувствовал усталость, но всё же терпеливо закончил свою мысль, снова слегка охладив пыл друга:

— Богатство и статус у тебя действительно есть, но разве ты сам их заработал? Ты живёшь, как избалованный наследник, и это ты называешь ответственностью?

— Хань, если бы это был я, я бы ценил тебя как личность, а не как второго сына семьи Шао или обладателя какого-то титула... Я бы не полюбил человека, который ничего не добился, даже если бы он сидел на троне. — Мужун Цю покачал головой и вздохнул:

— Подумай об этом. Как друг, я сказал всё, что хотел.